

Цзян Цзинсин небрежно заметил:

— Что значит «эта жизнь принадлежит мечу» и «создать союз с мечом»? Мои лучшие годы еще впереди, и я еще не женился. Как же так получилось, что моя судьба уже определена? Не говори ерунды и не порть мою репутацию.

Оказалось, что Ли Чжисюань случайно произнес вслух последнюю фразу.

Цзян Цзинсин говорил с уверенностью и твердостью. Вероятно, из-за возраста он забыл, кто когда-то сказал Се Хуаню:

— Какая женитьба? Разве не лучше провести эту жизнь в гармонии с мечом? Зачем человеку связывать себя по рукам и ногам?

В чайной Цзян Цзинсин столкнулся с гадателем. Оба они были мастерами в искусстве предсказаний, и, найдя общий язык, они заговорили так увлеченно, что чуть не стали братьями, готовыми объявить об этом всему миру.

Гадатель, увлеченный беседой, понизил голос:

— Брат, по твоему акценту я понял, что ты приезжий и, вероятно, не знаешь о странностях нашего города.

Цзян Цзинсин, играя роль заинтересованного слушателя, тоже понизил голос:

— Я приехал в город Сюанью, чтобы помочь А Цзину с поставками. У его семьи здесь есть бизнес, и он впервые здесь, поэтому я беспокоюсь и хочу помочь. Я тоже кое-что слышал о городе Сюанью, но ничего особенного не заметил. Судя по твоим словам, я, кажется, остался в неведении.

— Брат, ты благородный человек, — похвалил гадатель, оценив его интерес, — не вини тех, кто тебе рассказывал, на самом деле это очень скрытная информация. Только те, кто родился и вырос в городе, знают об этом.

Ли Чжисюань едва не уснул.

Он искренне восхищался Се Жунцзяо, который сохранял спокойствие и не менял позы.

Это восхищение было даже сильнее, чем когда Се Жунцзяо одним ударом меча расправился с жутким слугой из гостиницы.

Ли Чжисюань не выдержал и передал мысль:

— Брат Се, тебе не скучно слушать это?

— Нормально, — подумав, ответил Се Жунцзяо. — Если послушать несколько раз, привыкнешь.

Ли Чжисюань не хотел слушать это снова.

В конце концов, это было куда интереснее, чем слушать однообразную критику Се Жунхуа и похвалы самому себе.

Се Жунцзяо всегда был доволен тем, что имел.

В этот момент гадатель дошел до главного:

— Не скрою, брат, в нашем городе Сюанью давно не появлялось новых культиваторов.

Цзян Цзинсин удивился:

— Хотя люди с потенциалом к культивации действительно редки, чтобы в целом городе не было ни одного — это слишком уж.

— Кто знает? Это не секрет, брат, ты можешь спросить кого угодно. Секрет в том, что я расскажу дальше. — Гадатель погладил бороду и покачал головой. — Город Сюанью находится в неудобном положении.

— С одной стороны, он находится на краю Девяти Областей, но не получает их духовной энергии. С другой стороны, он не относится к Северной Пустоши, где царит мутная ци. Здесь не рождаются культиваторы, но и демонические культиваторы тоже не появляются. Только после того, как Сюанью пожертвовал собой, чтобы сдержать мутную ци, на его останках образовалась духовная жила, и в городе появились культиваторы.

Брови гадателя чуть не взлетели к небу:

— Но духовная энергия в останках Сюанью ограничена и не может длиться вечно. Вот почему за последние несколько десятилетий, когда остатки энергии иссякли, в городе Сюанью не появилось ни одного культиватора.

Цзян Цзинсин был впечатлен и вздохнул:

— Ты, брат, действительно много знаешь. Ты прояснил мне многое, твои знания глубоки.

Гадатель с удовольствием прищурился:

— Не правда ли? Редко встречаю такого заинтересованного человека, как ты, брат. Позволь мне сказать еще пару слов.

Неужели подсказка сама идет в руки?

Удача человека за определенный период времени ограничена, и, похоже, вся она была потрачена на город Сюанью.

Се Жунцзяо искренне беспокоился о финансовом состоянии Цзян Цзинсина в ближайшее время.

Потом он вспомнил, что у Цзян Цзинсина никогда не было удачи в деньгах, и успокоился.

Гадатель, как и ожидалось, продолжил говорить без остановки:

— В городе Сюанью много слухов о призраках. Некоторые говорят, что они образовались из обиды тех, кто не смог стать культиваторами. Но люди не придают этому большого значения, ведь они не вредят жителям города. Приезжие обычно просто получают предупреждение, но их жизни не угрожает опасность.

Ли Чжисюань широко раскрыл глаза, чуть не забыв передать мысль:

— Но брат Се, разве слуга из гостиницы не говорил, что многие приезжие погибают?

Ответ был очевиден.

Кто-то из них — слуга или гадатель — лгал.

— А почему не может быть так, что это дело рук управы города?

Когда они вернулись в гостиницу, и Ли Чжисюань первым не выдержал и заговорил об этом, Се Жунцзяо неожиданно сказал:

— И слуга, и гадатель говорили о слухах. Возможно, они думали, что говорят правду, но в процессе передачи информация исказилась.

Цзян Цзинсин продолжил:

— Духовная жила в городе истощилась, и за последние десятилетия не появилось ни одного культиватора. Все культиваторы происходят из управы города. Поэтому в городе Сюанью только управа может открыто иметь дело с призраками.

Ли Чжисюань почувствовал, как у него зашевелились волосы на затылке:

— Значит, управа города намеренно манипулирует слухами, чтобы истории о призраках казались ужасными для приезжих, но безвредными для местных жителей, как просто забавные истории?

— Возможно. — Се Жунцзяо вспомнил, что видел и слышал в городе. — Большинство жителей — обычные люди. Город Сюанью находится в сложном положении. Если не считать Северной Пустоши, то вокруг него находятся владения военных губернаторов, и ни одно из этих мест не безопасно. Чтобы защитить себя, лучше не покидать город и полагаться на защиту управы.

Изоляция приводит к отсутствию информации.

Даже если кто-то из горожан выезжает за пределы города и слышит о призраках, он, вероятно, считает, что истории преувеличены и приукрашены, и просто смеется над ними.

Се Жунцзяо подвел итог:

— Это всего лишь мои предположения. Без доказательств нельзя сказать, какую роль играет управа города. Но атмосфера в городе Сюанью действительно странная, и истории о призраках, рассказанные слугой, вероятно, правдивы.

— Похоже, это связано с Четырьмя Духами.

После того как Ли Чжисюань вернулся в свою комнату, Цзян Цзинсин словно размышлял вслух, объясняя Се Жунцзяо:

— Атмосфера в городе Сюанью кем-то тщательно скрыта, и я не могу ясно ее почувствовать. А Цы, ты чувствуешь что-то, возможно, из-за Крови Феникса.

Еще при въезде в город Кровь Феникса в теле Се Жунцзяо начала бурлить, неконтролируемо перемещаясь по его меридианам.

Эта реакция была похожа на ответ на чью-то провокацию.

Но после гибели Феникса кто в мире мог разозлить Кровь Феникса?

— Это Кровь Феникса. У меня есть предчувствие, что разгадка кроется в управе города. — Се Жунцзяо принял решение и не стал заикливаться на этом. — Управа города — мы обязательно должны найти способ туда попасть.

Как бы то ни было, письмо Се Хуа все еще лежит в кабинете городского правителя.

Цзян Цзинсин неожиданно спросил:

— А Цы, ты боишься призраков?

— Ужасно боюсь. — Се Жунцзяо посмотрел на него, его голос звучал холодно, как звон нефрита или струны цитры. — Когда вижу призраков, даже меч не могу поднять. Вся эта поездка в город Сюань зависит от тебя, учитель.

Как будто это не он, Цзян Цзинсин, рассказывал ему в детстве страшные истории.

Цзян Цзинсин с сожалением сказал:

— Ошибка моя. Если бы я знал, что в нашей группе нет никого, кто мог бы сражаться, я бы не рассказывал тебе этих историй.

Се Жунцзяо тоже сожалел:

— Учитель, если бы ты понял это десять лет назад, как бы это помогло.

Ему бы не пришлось переживать те дни, когда он просыпался среди ночи и боялся открыть глаза, опасаясь увидеть что-то странное.

Цзян Цзинсин вдруг улыбнулся:

— А Цы, в детстве ты был слишком серьезным. Другие дети твоего возраста шалили, готовы были продырявить небо. А ты был как будто лишен эмоций, как статуя в храме, питающаяся благовониями. Только когда я рассказывал тебе страшные истории, ты оживлялся.

Цзян Цзинсин когда-то думал, что если бы основатель семьи Се, первый правитель Фэнлина Се Ли, был не приемным сыном Феникса, а его настоящим ребенком, и если бы в жилах семьи Се текла настоящая Кровь Феникса, то Се Жунцзяо, возможно, был бы самым похожим на божественное существо, рожденное в древние времена, чья жизнь равнялась бы жизни неба и земли.

В нем была божественная природа.

Другие люди с возрастом становились более сдержанными, а Се Жунцзяо, наоборот, становился более живым.

Се Жунцзяо усмехнулся:

— Правда? Я сам не замечал. Возможно, это просто моя природа.

Он вдруг вспомнил разговор с Хэ Цюань в городке Фулай.

Тогда он сказал ей: «Тебе стоит благодарить не меня, а его».

Ему следовало благодарить Цзян Цзинсина.

<http://bllate.org/book/16198/1453679>